

**ТРУДЫ
ТОМСКОГО
ОБЛАСТНОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ ИМ. М.Б. ШАТИЛОВА**

ТОМ XIX

ББК 63.3(2Рос–4Том)
УДК 9(571.16)
Т 56

Труды Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова:
Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Шатиловские чтения – 2014». Сб. статей / ОГАУК «ТОКМ им. М.Б. Шатилова». – Томск: Издательство «Ветер», 2016. – Т. XIX. – 304 с., 100 экз.

В XIX томе «Трудов Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова» опубликованы материалы межрегиональной научно-практической конференции, организованной в ТОКМ, «Музей в социокультурном пространстве региона (Шатиловские чтения – 2014)», организованной в ТОКМ. Конференция состоялась в г. Томске 26–28 марта 2014 г. и была приурочена к 410-летию основания Томска, 210-летию образования Томской губернии и 70-летию учреждения Томской области. В статьях сборника представлены результаты исследований археологической, почвоведческой, исторической, искусствоведческой тематик, обсуждаются проблемы музейной теории и практики. Сборник адресован специалистам в этих областях, а также широкому кругу читателей, интересующихся культурой и историей Сибири. Сборник публикуется в год 95-летия со дня открытия музея.

Научная редакция:

Ширко К.Н., к.и.н., гл. ред.

Андреева Е.А., к.и.н.

Боброва А.И., к.и.н.

Игнатенко З.А.

Котенко А.Л.

Назаренко Т.Ю., к.и.н.

Рассамахин Ю.К.

© Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова, 2016

© Оформление. Издательство «Ветер», 2016

Барсуков Е.В.

(Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск)

**От «разысканий» в Темерчинской волости
до исследований в Кожевниковском районе (к истории
археологического изучения юга Томской области)**

Кожевниковский район является самым южным в Томской области, река Обь делит его на две неравные части. Несмотря на то, что правобережье значительно уступает левобережью по площади, по числу известных здесь археологических памятников они вполне сопоставимы. Археологи проявили интерес к этой территории ещё в конце XIX в., причём более интенсивному изучению подверглось именно правобережье. Исследования вплоть до середины XX в. носили эпизодический ознакомительный характер, специалисты не ставили перед собой задачи получить исчерпывающее представление о конкретном памятнике, и тем более обо всех объектах, расположенных здесь. В некоторых случаях обследование ограничивалось беглым осмотром и описанием, либо только упоминанием, не позволяющим надёжно локализовать объект. По этой причине многие памятники были открыты дважды и даже трижды и известны сейчас под разными названиями. Большой хронологический разрыв между «вспышками» исследовательского интереса с трудом позволяет сопоставлять сведения разных периодов между собой. Без целенаправленного анализа истории изучения этих памятников невозможно получить целостное представление о древней и средневековой истории района и его культурном потенциале. В данной статье характеризуется наименее известный в исследовательской литературе период изучения, а именно, конец XIX — первая половина XX в.

В геоморфологическом отношении интересующая нас территория, это фрагмент долины р. Оби, центральным элементом которого на юге является значительный по площади участок поймы. С севера к нему примыкает водораздельная равнина, выходящая к реке между устьем Тагана и с. Киреевск. В исследованиях по географии эта пойменная терраса называется Каштаковским сегментом (Львов, 1963: 261). Местное население называет эти места «Таганы», топоним является производным от

наименования реки Таган, пересекающей пойму с юга на север, практически параллельно руслу Оби.

В историко-культурном плане правобережье известно как территория Темерчинской волости, напомним чему является Темерчинская лесная дача, расположенная на территории соседнего Томского района, недалеко от Нижних озёр. Волость с таким названием фиксируется с начала XVII в. и существует до начала XX. Она отмечена на карте С.У. Ремезова (1701) и на карте Томского уезда (Атлас..., 1821).

Коренному населению волость была известна под названием «Темерци-йон», что переводится как «народ-кузнецы». Археологические исследования на рубеже XX–XXI вв. подтвердили широкое распространение здесь чёрной металлургии и наличие доступных источников сырья уже в средневековую эпоху.

Первое упоминание об археологическом объекте на правобережье, на территории современного Кожевниковского района, датируется 1886 г. В переписке А.В. Адрианова и Г.Н. Потанина упоминается Темерчинский курган, но, к сожалению, никаких подробностей об этом объекте не приводится (Адрианов, 2007: 63). Известно лишь, что находился он на территории Темерчинской волости, по имени которой и был назван. Можно предполагать, что он размещался у выселка Могильники либо у юрт Каштаковских. В конце XIX в. курганы были известны только у этих населённых пунктов.

Первой публикацией, в которой сообщается о курганах у выселка Могильники, является статья В.М. Флоринского (1889: 58–84). Исследователь указывает на наличие здесь нескольких погребальных памятников, расположенных как в жилой черте выселка, так и за его пределами. Вне населённого пункта курганы располагались тремя группами. Упоминается о 18 насыпях разного размера. Кроме этого, выселок оправдывал своё название: непосредственно на его территории находилось ещё 3 кургана, неоднократно раскапывавшихся местными жителями, находившими здесь «человеческие кости, медные и серебряные изделия, как-то серьги, кольца и проч.» (Флоринский, 1889: 84).

Появление этого населённого пункта не было связано с инородческим населением: его основание приходится на середину XIX в., а первыми жителями выселка были крестьяне с. Уртам и выходцы из Нелюбинской волости (Емельянов, 1981: 122). Судя по названию, поселенцы осознавали соседство с древними погребальными объектами, однако,

Рис. 1. Темерчинская волость на карте С.У. Ремезова.
Чертёж земли Томского города

Рис. 2. Темерчинская волость на карте Томского уезда
губернского ведомства Богородского комиссарства

характерный для обской поймы дефицит незатопляемых участков, пригодных для постоянного проживания, стал решающим фактором при выборе места. Интересно, что известные в истории посёлка попытки сменить мрачное название «Могильники» на более привлекательное «Заречный № 1», успехом не увенчались (Слесарев, 2006: 331).

В.М. Флоринский собственноручно курганы у выселка Могильники не осматривал, в его распоряжении имелись данные, взятые из дела Томского Общего губернского управления. Эти сведения, собранные земским начальством в 1883 г., были доставлены в Томск (Флоринский, 1889: 68), причём относительно большинства волостей были получены только отрывочные данные либо отписки общего характера (Флоринский, 1889: 63). В этом контексте не удивительно, что уже через несколько лет в интересующем нас районе стал известен ещё один комплекс памятников, ускользнувший от внимания окружных исправников. Внимание специалистов привлекли археологические объекты, расположенные у юрт Каштаковых, «административного центра» Темерчинской волости. По-видимому, мотивом организации здесь исследований были предания, бытовавшие среди местного населения о связи этой территории с сибирским ханом Кучумом. Согласно им, окрестности юрт Каштаковых стали его «последним пристанищем». Приближённые воины, после его смерти не желая расстаться со своим предводителем, дали обет не покидать его прах и основали в этом районе поселение. По другой версии, основание населённого пункта связано с дочерью Кучума, которая, после его нападения на русских, следовала на судне вверх по Оби и «заплыла» в один из притоков, которым оказался Таган. Отголоски этих преданий были зафиксированы даже в середине XX в. (Дульзон, 1953: 7; Дульзон, 1956: 102; Томилов, 1969: 15, 27).

В конце XIX в. у юрт Каштаковых был известен объект, который назывался «Кучумов курган» (Отчёт..., 1893: 108). В середине XX в. упоминалось также и «Кучумово городище» (Дульзон, 1956: 102). Однако данные А.П. Дульзона об этом объекте требуют проверки. По-видимому, они являются лишь его интерпретацией информации, полученной от местного жителя. В первоисточнике, который также принадлежит А.П. Дульзону, о «Кучумовом городище» не упоминается, сообщается лишь о том, что «Кучум хоронился на Буре-речке, Бура из Аспы идёт, Бура впадает в Аспу, эта впадает в Таган» (Дульзон, 1953: 7).

Легенды о погребении Кучума бытовали и в других населённых пунктах этого района. Так, в 1926 г. Л.П. Сергиевская сообщила, что недалеко от Кожевниково, по направлению к Уртаму, находятся курганы, где по преданиям, бытующим среди местных жителей, был «схоронен Сибирский хан» (Хроника..., 1926: 42).

Первые документально зафиксированные раскопки в этом районе были проведены в 1889 г. Круповичем. К сожалению, сведения об обстоятельствах работ крайне скупые. Известно только, что при раскопках кургана у д. Каштаково был найден медный кельт, о других находках не сообщается (Отчёт..., 1892: 89, 126).

По решению Археологической комиссии кельт был «назначен» в Императорский Томский университет, куда и поступил 19 октября 1891 г.

Во «Втором прибавлении к Каталогу Археологического музея» В.М. Флоринский описывает этот предмет следующим образом: «маленький медный кельт, без ушков, найденный г. Круповичем в одном из курганов, в 4 верстах от с. Вороновского, Уртамской волости Томского округа, на правом берегу Оби» (1898: 367). Нужно заметить, что местонахождение этого предмета в источниках и исследовательской литературе часто указывается некорректно. Согласно информации архивов, кельт найден «на правом берегу Оби близ с. Вороново» (Дмитриенко, Черняк, 2015: 84). Вороново находилось на левом берегу и в данном контексте упоминалось лишь как более значительный по размерам населённый пункт, нежели расположенные на противоположном берегу инородческие юрты Каштаково, где в действительности была сделана эта находка.

В 1890 г. в этом же районе планировал провести раскопки профессор Томского университета Н.М. Малиев. Однако несмотря на то, что

Фото 3. Кельт, обнаруженный в 1889 г. Круповичем в кургане у д. Каштаково. МАЭС ТГУ № 4753

Открытый лист был запрошен, раскопок не проводилось. Причины, по которым они не состоялись, неизвестны. Дело ограничилось сбором «случайных находок», судьба которых пока неизвестна (Приложение: Императорская..., 2009: 33).

В 1891 г. исследования продолжил С.К. Кузнецов, объектом его изысканий стал уже упоминавшийся «Кучумов курган». Результаты были более чем скромными, в «Отчёте императорской археологической комиссии» они оценены как отрицательные. В небольшой заметке сообщались некоторые подробности этих работ: здесь «оказались только следы большого кургана, давно уже расхищенного, и масса черепков, жжённых костей и местной руды или отдельных кусочков расплавленной меди». Кроме этого, исследователю удалось добыть несколько обломков бронзовых вещей и 2–3 целых оригинальных предмета из бронзы. К сожалению, что скрывается за названием «оригинальные предметы из бронзы», выяснить не удалось. По-видимому, результаты этих раскопок не вдохновили и самого С.К. Кузнецова, дальнейшие исследования этого года он проводил на другом берегу Оби, у упоминавшегося уже с. Вороново, где раскопал 21 курган (Отчёт..., 1893: 108).

В послереволюционный период исследования также проводились лишь спорадически. Известно, что в 1922 г. памятники в окрестностях д. Могильники осматривал В.Ф. Смолин, однако, кроме констатации данного факта, никакой информации в нашем распоряжении нет (Чернышёв, 1938: 17).

В 1938 г. этот район посетил Н.А. Чернышёв. По-видимому, обследование было «стремительным», исследователь лишь отметил, что курганы д. Могильники отличаются от курганов левобережья у Батурино и Вороново, «они меньше размером... в погребальном инвентаре видное место занимает железо и серебряные украшения, а бронзовые предметы отсутствуют» (Чернышёв, 1938: 17). Источник этих сведений остаётся неизвестным, так как о раскопках курганов исследователь в отчёте не сообщает. Возможно, информация была получена от местных жителей, которые в поисках ценностей периодически курганы раскапывали. Нужно сказать, что население этой части поймы проявляло к древностям активный интерес. Им было хорошо известно, что в окрестностях посёлка Каштаково, «в двух местах, находится несколько могильников», по сложившейся местной традиции их называли «городками». Ещё в довоенный период здесь производил раскопки некто Даниил Васильевич Теущаков, житель

Каштаково, который искал золото, но нашёл только керамику (Томилов, 1969: 15). В послевоенное время раскопки на «городках» в Каштаково неоднократно организовывал и учитель местной школы. Судьба полученных находок остаётся неизвестной (Матющенко, 1959).

Вполне естественно, что информация об археологических памятниках накапливалась не только в процессе археологических разведок. Например, в 1953 г. во время лингвистико-этнографической экспедиции А.П. Дульзон собрал сведения и об археологических объектах окрестностей Каштаково. Интересно, что данные эти были получены не в Каштаково, а совершенно в другом месте, в Байдоново (Петрово). Ему рассказали о курганах и «городках» на Туганском острове, где находят «черепки с орнаментом и железные наконечники стрел» (Дульзон, 1953: 6–7). Данные не имели точных географических привязок, кроме упоминаний реки Таган и посёлка Каштаково.

Можно понять, каким образом эта информация стала известна в Байдоново, поскольку в это время одним из здешних жителей был уже упоминавшийся ранее П.И. Теушаков, выходец из Каштаково. Собственно, с его слов А.П. Дульзон и узнал об археологических памятниках, а также сделал вывод, что в Каштаково никто не знает ни одного слова по-татарски (Дульзон, 1953: 6–7).

Интересная информация, имеющая отношение к району исследований, была обнаружена в материалах А.П. Дульзона на листке-вкладке полевой тетради. Упоминается старое селение Усть-Таган, рядом с которым находилось татарское кладбище, располагавшееся в 1–1,5 км от д. Молчаново на р. Таган. По-видимому, точной информацией о его местонахождении владел житель этой деревни И.Д. Rogozenko, к которому отсылала записка (Дульзон, 1953: 6–7). Объект представляет несомненный интерес для изучения истории тюркского населения Томского Приобья. Селение Усть-Таган известно здесь, как минимум, с первой четверти XVIII в. и связано с чатскими тагарами, занимавшими своеобразное «пограничное» положение между томскими и обскими чатскими тагарами. Проникновение чатов в нижнее течение Тагана, вероятнее всего, имело место ещё в XVII в., а к началу XVIII в. они надёжно обосновались в этом районе и владели следующими участками: «на реке Оби земляными заимками вниз рекою Обью на правой стороне и по речке Тогану до устья речки Шайтанской: длиннику по Тогану 2 версты, поперёк от Тогану к бору четверть версты. Да против той же заимки за речкою

Тоганом владеют лугом от Большой берёзы, которая стоит на Тоганском берегу прямо на озеро на **бухарский мост**: длиннику полторы версты, а от того мосту до устья речки Тогану поперечнику тож...» (Томского уезда..., 1915: 585–586).

Данные А.П. Дульзона, как и материалы предшественников, были обобщены и изложены в «Археологической карте Томской области», но, несмотря на более чем полувековую известность памятников этого района, представления о них оставались крайне туманными (Дульзон, 1956: 101–104).

Современный этап археологического изучения правобережья Кожевниковского района начинается с 1959 г., когда В.И. Матющенко были предприняты широкомасштабные разведочные работы в южной части Томской области. Обследованим были охвачены берега кожевниковского отрезка Оби и протекающей здесь реки Таган. Именно тогда наметились основные направления и перспективы исследований в этом районе на ближайшие несколько лет.

Маршрут В.И. Матющенко пролегал в меридиональном направлении, параллельно руслу Оби. От с. Киреевск, по существующим дорогам, он направлялся через д. Молчаново, д. Иринский Борик, д. Могильники, д. Борик и конечный пункт д. Каштаково, где переправился на левый берег Оби. Исследователь не стремился к подробным описаниям и тщательному обследованию какого-то конкретного участка или памятника, в первую очередь его интересовали неолитические объекты. Тем не менее, в полевом дневнике содержатся краткие характеристики и схемы большинства осмотренных памятников. Собранные на некоторых поселениях подъёмные материалы до сих пор являются единственным основанием для их датировки (Матющенко, 1959).

Особенно актуальной является информация В.И. Матющенко о городище, получившем название Молчановское, в «Археологической карте» оно известно под названиями Усть-Шайтанское или Шумиха (1990: 118). На сегодняшний день этот памятник утрачен. В дневнике 1959 г. содержится приблизительная схема и описание городища, а в фондах Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ хранится коллекция керамики позднего средневековья, собранная В.И. Матющенко на памятнике в процессе осмотра. Это позволяет уточнить датировку городища, определяемую исследователями только рамками развитого средневековья (Приступа, 1998: 128).

Особое внимание В.И. Матющенко уделил окрестностям д. Могильники и д. Иринский Борик (Археологическая карта..., 1990: 118–126). Именно здесь были обнаружены материалы эпохи неолита, интересовавшие археолога. В частности, «неолит» он обнаружил у д. Могильники, по «наводке местных жителей», которые рассказали о находках черепков на гриве у засолки. Однако самым важным открытием, которое на тот момент исследователем не осознавалось, стало обнаружение на противоположном от деревни берегу, в местечке под местным названием «Бараба», комплекса поселений железного века. Точное количество западин определить сразу не удалось, было ясно, что их много (Матющенко, 1959). Через три года здесь будут организованы раскопки, а комплекс поселений, датированных поздним средневековьем, окажется одним из крупнейших в Томском Приобье (Старцева, 1962. Архив МАЭС ТГУ. Д. 239; Д. 266).

Более чем за сто лет изучения этой территории археологами правобережная пойма три раза сменила административную принадлежность: с XVII в. это была Темерчинская волость, в 1920-х годах — Коларовский район Сибирского края, теперь Кожевниковский район, однако это не повлияло на степень исследовательского интереса к ней. Разведка В.И. Матющенко, состоявшаяся в 1959 г., ознаменовала начало широко-масштабных археологических работ в этом районе. Во второй половине XX–начале XXI вв. исследования развернулись на памятниках нескольких археологических микрорайонов: в окрестностях д. Могильники, у с. Киреевск и в урочище Шайтан. В отличие от «разысканий» конца XIX–первой половины XX в., они задокументированы отчётами, полевыми дневниками, часть полученного материала опубликована. Тем не менее в истории археологического изучения по-прежнему много белых пятен, что указывает на необходимость отдельного исследования.

Литература и источники

Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...» Письма Г.Н. Потанину. Томск, 2007. — 278 с.

Археологическая карта Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. Т. 1. — 340 с.

Атлас Томской губернии, состоящей из восьми уездов. — Факсимильное издание 1821 года. — СПб.: Альфарет, 2009. — 10 с.; 48 л. карт.

Второе прибавление к Каталогу Археологического музея Томского университета. Томск, 1898. — С. 338–378.

Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Музеи Императорского Томского университета: первые годы создания и деятельности // Вестник ТГУ. № 397. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. — С. 81–90.

Дульзон А.П. Материалы по языку и этнографии Нарымских остяков. 1953. Ч. II // Архив кафедры-лаборатории языков народов Сибири Том. гос. пед. ун-та. № С-2.

Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Труды ТОКМ. Т. 5. Томск: Типография № 1 Политграфиздат, 1956. — С. 89–317.

Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. — 180 с.

Императорская археологическая комиссия (1859–1917): приложение: у истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия: к 150-летию со дня основания. СПб., 2009. — 207 с.

Львов Ю.А. К характеристике растительности поймы реки Оби // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Т. 152. Природа поймы реки Оби и её хозяйственное освоение. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1963. — С. 258–267.

Матюшенко В.И. Дневник разведывательной группы Музея истории материальной культуры при Томском университете летом 1959 года // Архив МАЭС ТГУ. Д. № 172-1. — 97 л.

Отчёт Императорской археологической комиссии за 1889 год. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1892. — 128 с.

Отчёт Императорской археологической комиссии за 1891 год. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1893. — 188 с.

Приступа О.И. К истории исследования городища Усть-Шайтан I // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика. Материалы докладов

XI Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. — С. 126–129.

Ремезов С.У. Чертёжная книга Сибири. 1701. — 26 л.

Слесарев П.Г. Краткая история исчезнувших сёл и деревень Кожевниковского района // Земля кожевниковская. Сб. научно-популярных очерков к 75-летию образования Кожевниковского района. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. — С. 328–372.

Старцева Л.М. Дневник археологической экспедиции Музея ИМК при ТГУ, проведённой летом 1962 г. в Кожевниковском районе Томской области у сел Могильники // Архив МАЭС ТГУ. Д. № 239. — 71 л.

Старцева Л.М. Отчёт об археологических исследованиях Могильницкого отряда Среднеобской экспедиции Томского государственного университета летом 1963 г. // Архив МАЭС ТГУ. Д. 266. — 53 л.

Томского уезда служилые и подводные татары и Выезжие калмыки, что берут Великого Государя денежного и хлебного жалования (1703 года) // Сибирский архив. Ж-л истории, археологии, географии и этнографии Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока. № 12. Минусинск, 1915. — С. 585–587.

Томилов Н.А. Материалы этнографической экспедиции к татарам Томской области в 1969 году // Архив МАЭС ТГУ. Д. № 363-5. — 54 л.

Флоринский В.М. Курганы Томской губернии // Томские университетские известия. Томск, 1889. Отдел I–II. — С. 58–84.

Хроника Музея истории материальной культуры Томского университета // Архив МАЭС ТГУ. Д. № 83. — 76 л.

Чернышёв Н.А. Отчёт Н.А. Чернышёва «об археологических работах летом 1938 г. в окрестностях г. Томска // Архив МАЭС ТГУ. Д. № 126. — 23 л.